

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

ЗАБВЕНИЕ КАК ФОРМА СТРАДАНИЯ АРТЕФАКТОВ

Статья I

Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В.

Аннотация: Представленная двухчастная статья продолжает цикл тематических публикаций, которые посвящены особенностям психоэмоционального восприятия и переживания реальности памятников историко-культурного наследия. Одной из граней указанной многоаспектной и сложной проблематики является тема «страдания», проектируемая на реальность памятника. В настоящей статье рассматривается такая специфическая форма «страдания» артефактов как забвение и заброшенность, – которая может проявляться как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Раскрыты ценностно-смысловые аспекты, а также внешние маркеры заброшенности. Фиксируется зависимость восприятия заброшенности артефактов от историко-контекстуальных обстоятельств. Наряду с указанными выше вариативными свойствами переживания заброшенности отмечаются инвариантные, архетипические основы её восприятия, – в том числе связанные со стремлением человека «оживлять» артефакт, наделять его субъектностью и соответствующим образом взаимодействовать с ним. Выявляются выразительные группы объектов, заброшенность которых воспринимается субъектом наиболее остро. Уделено внимание специфике проявления феномена заброшенности в рамках традиционных и инновационных культур. В контексте феномена заброшенности рассмотрены две группы объектов: объекты религиозного культа и различные человеческие захоронения. Статья содержит ряд примеров, иллюстрирующих данный феномен (в том числе примеры, которые относятся к художественной культуре).

Ключевые слова: артефакт, «смысловая аура», «страдающие» артефакты, забвение, заброшенность, «место памяти», историко-культурное наследие, сакральные артефакты.

Особую подгруппу «страдающих» артефактов представляют «брошенные» и преданные забвению памятники. В мировой культуре широко представлены образы заброшенных домов, замков и усадеб, храмов, кладбищ и иных артефактов и локаций. Указанные образы имеют высокую степень психоэмоционального воздействия, пробуждая чувство грусти и сожаления относительно состояния того или иного объекта, – а порой способствуя возникновению романтических или ностальгических переживаний и формированию соответствующего ореола вокруг памятника. В ситуациях крайней заброшенности артефакт может буквально «увядать», подобно неполитому цветку.

В первую очередь восприятие артефакта как заброшенного основано на ощуще-

нии, что таковой недополучает то внимание, которого заслуживает. Как следствие, в зависимости от степени «недополученности внимания» растёт его страдание. Реальность того или иного объекта в сознании человека подразумевает определённые практики взаимодействия с ним, – включая поддержание его внешнего состояния и обращение к нему с некоторой регулярностью. В случае если эти параметры радикально изменяются и появляются маркеры недополученного внимания и снижения частоты обращения, то можно говорить о возникновении ситуации брошенности и забвения.

«Заброшенный дом.
Кустарник колючий, но редкий.
Грущу о былом:
«Ах, где вы – любезные предки?»
Из каменных трещин торчат
проросшие мхи, как полипы.
Дуплистые липы
над домом шумят.
И лист за листом,
тоскуя о неге вчерашней,
кружится под тусклым окном
разрушенной башни. <...>
Старинная мебель в пыли,
да люстры в чехлах, да гардины...
И вдаль отойдешь... А вдали –
равнины, равнины.»
(А. Белый, «Заброшенный дом») [1, с. 51–52].

На психоментальном уровне восприятия заброшенности речь идёт о проявлении ряда архетипов, – включая стремление человека «оживлять» артефакт, полагать его субъектом и соответствующим образом взаимодействовать с ним. Мир «оживших» вещей может быть весьма многообразен, – включая большой спектр практик ухода и «общения» с ними и переживания их состояний в сложных играх воображения. Когда заброшенным оказывается то, что устойчиво считается «живым» и нуждающимся в попечении, это может восприниматься весьма болезненно. В таком ракурсе артефакт может предстать как «страдающий от одиночества», «скучающий», «недолюбленный». Интересными в данном контексте представляются рассуждения Н.Н. Суворова: «Каждая созданная вещь хранит память о своём существовании и нуждается в реальной или воображаемой реконструкции своего особенного бытия. Даже забытая и потерянная вещь способна к воскресению из «чулана забытых вещей»» [2, с. 63] – и в дальнейшем может выполнять свойственные для неё либо новые функции.

В рамках рассматриваемого вопроса представляет интерес то, что в коммуникативном пространстве культуры достаточно высока доля общения с предметами, явлениями природы, вымышленными персонажами, – которых человек в своём воображении наделяет субъектностью. Кроме того, особую группу акторов коммуникации представляют

живые существа и растения, наделять которых субъектностью человек также весьма склонен. Помимо этого, отдельного упоминания заслуживает способность человека общаться в своём воображении с умершими людьми (а порой и с умершими животными). Таким образом, коммуникативное поле, в которое погружён человек и которое он моделирует, оказывается гораздо шире, нежели пространство непосредственного общения между людьми, – и вещь в нём играют не последнюю роль.

Сфера «общения» с предметным миром достаточно многообразна и воплощается в различных практиках. Указанное свойство взаимодействия с предметами обнаруживает себя на самых разных уровнях «общения» с ними. Ребёнок, который «общается» с игрушкой, принципиально не отличается от воина, который разговаривает со своим мечом.

В указанном ракурсе можно упомянуть практики взаимодействия с вещами, связанные с фетишизмом и анимизмом. Отметим, что в некоторых случаях (особенно ярко это проявляется у представителей традиционных, доиндустриальных культур) речь может идти буквально о «срастании», самоидентификации человека с отдельными предметами, – а также о возникновении особых практик общения с артефактами, с которыми человек тесно связан. Люди, склонные взаимодействовать с объектами в контексте указанных выше архетипов, могут особенно остро переживать заброшенность и предание забвению дорогих для них вещей, буквально ощущая, что они бросили, предали живое существо или у них ампутировали некий орган, отрезали кусок живой плоти.

Наличие либо отсутствие ощущения, что объект заброшен, связано со многими аспектами. Оно может возникать как в отношении вещей, выведенных из поля актуального взаимодействия с человеком, так и применительно к артефактам, находящимся в этом поле. С одной стороны, если предметы окончательно утратили своё функциональное предназначение, то они, как правило, не воспринимаются как «оставленные». Вещи «исчерпанные», полностью выведенные из повседневного обихода, могут «сбрасываться» культурой достаточно спокойно (к примеру, в современных культурах таковыми могут являться элементы конской упряжи, телеги и т.п.). Представления о заброшенности подобных артефактов могут возникать как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. С другой стороны, чувство заброшенности может возникать и в отношении артефактов, которые ещё находятся в поле актуального взаимодействия с человеком. Например, часто подобные ощущения формируются применительно к музыкальным инструментам, которые не используются по назначению, – в силу того, что музыкантом может ощущаться существенную психоэмоциональную связь с инструментом.

Можно также вспомнить хрестоматийное некрасовское стихотворение «Несжатая полоса», в котором повествуется о заброшенном хлебном поле, – что воспринимается в контексте аксиологии российской культуры как история чрезвычайная. Больной, обессиливший крестьянин не смог убрать урожай, и необранное, невостребованное поле является знаком большой беды:

«Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна...

Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,
Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждёт?» [3, с. 135].

Продолжая анализ бытования феномена заброшенности в культуре, отметим некоторые закономерности. В частности, специфика проявления феномена забвения зависит от того, в каких культурах он получает выражение – традиционных или инновационных. Для традиционных культур характерна относительная стабильность вещественного мира и историко-культурной памяти; статичность и слабая изменчивость образа жизни во многом определяет их «внеисторический» характер. Вещественный мир традиционных культур характеризуется тем, что большая его часть находится в актуализированном состоянии. Многие вещи в таких культурах используются достаточно долго, вплоть до полного исчерпания своего ресурса, – и, как правило, морально не устаревают. Соответственно, обветшавшая и исчерпавшая себя в ходе эксплуатации вещь, выведенная из повседневного обихода, заброшенной в большинстве случаев не считается. В свою очередь, годная к использованию, но выведенная из оборота вещь может восприниматься в рамках подобных культур как «отвергнутая» и заброшенная. В этом плане показательно, что старые, но пригодные вещи за счёт своего возраста набирают особый авторитет, связанный с их «опытом», качеством и надёжностью. Старое, но годное в рамках домодерновых культур как правило воспринимается положительно, а потому не подлежит списанию и не «забрасывается».

Иная ситуация наблюдается в культурах инновационного типа. Для подобных культур характерна направленность на масштабное и быстрое обновление, – что подкрепляется особым, невиданным ранее отношением ко всевозможным новациям как к актуальным, желанным, правильным. Термин «новое» в рамках рассматриваемых культур приобретает положительные коннотации (отметим, что для европейских традиционных культур было свойственно весьма сдержанное и даже настороженное отношение к новому: «Обновление понималось как реставрация, прогресс — как возвращение к прошлому, ибо только от века существующее могло иметь моральную силу и непререкаемый авторитет. Так было не только в области права, но буквально во всех сферах общественной жизни: в производственных распорядках и в богослужении, в философии и в семейных обычаях. <...> Идеальное состояние видели в прошлом — и стремились его возродить или к нему возвратиться. Нестандартизированное поведение, тяга к новшествам, к реформам несвойственны этому обществу» [4, с. 166]). В рамках модернизирующихся культур существенно расширяется объём и номенклатура артефактов, – что, помимо прочего, приводит к тому, что они стремительно «отсеиваются» («Увеличивающийся

объем инноваций закономерно влечёт за собой увеличение устаревших и нефункциональных элементов культурного целого» [5, с. 82]). В инновационных культурах растёт фактор потребления, подразумевающий регулярные и частые «сбросы» вещей, – что легитимизируется рекламой и модой, а также иными составляющими масс-культуры [6, с. 203–204]. В таком контексте к вещам, выводимым из регулярного обихода, формируется устойчивое отношение как к старым, «отжившим» и неактуальным, – даже если в действительности их ресурс не исчерпан. «Смысл вещей заменяется снятой полезностью – безликим рабством. Использованная вещь способна утратить значение и исчезнуть из культурного пространства, войти во множество «ненужных» и «забытых» вещей в царстве помойки» [2, с. 63].

Показательно высказывание В.А. Подороги, который описывал современные американские практики взаимодействия с игрушками. На День благодарения опустошаются детские магазины, поскольку существует обыкновение регулярно обновлять игрушки. «Старые игрушки, уже изрядно «поднадоевшие», сбрасываются могущественными родителями в подвал, а вместо них покупаются новые, более «лучшие» и более «необходимые», потому что «новые»» [7, с. 111]. Такая практика, как отмечает исследователь, может привести к тому, что ребёнок лишится любимой игрушки, которая выполняет в его жизни важнейшие функции. «Игрушка – посредник, и она не просто оживлена, т.е. уже не просто вещь, но и нечто большее. Повседневное взаимодействие с ребёнком переводит её в иной статус, она получает место ближайшего друга и помощника. Только тогда я понял, что происходит, и почему в США так много триллеров, посвящённых мести брошенных игрушек, «преданных» и «одичавших», вставших на путь преступления, неожиданно приобретших навыки маньяков-садистов. Брошенная игрушка – это вещь, которая способна мстить» [7, с. 111].

В модернизируемых культурах люди зачастую превращаются в «новых кочевников», оторванных от корней и мира уникальных вещей. В подобных культурах многие составляющие стремительно отвергаются по причине их «ненужности», морального устаревания. В таком контексте проявление феномена заброшенности в культуре в некоторой степени ослабевает, – как в отношении объектов, находящихся в повседневном обиходе, так и применительно к выведенным за его пределы артефактам.

Отметим также, что и в традиционных культурах, и в культурах инновационного типа глубинные ментальные структуры человека могут сопротивляться отказу от вещей, их «сбросам». Данное сопротивление может принимать различные формы – как общественно приемлемые и даже поощряемые, свидетельствующее о рачительности, хозяйственности, так и патологические (вспомним гоголевского Плюшкина). Порой нежелание выбрасывать вещь происходит не только по причине бедности и скупости, но и из-за жалости к ней, нежелания предать её забвению. Эффект захламлированных чердаков, сараев, балконов, антресолей характерен для различных стран, – что показывает универсальность многих архетипических оснований восприятия вещей и практик взаимодействия с ними.

Отдельного рассмотрения заслуживают сакральные объекты – артефакты, которые нуждаются в повышенном внимании и относительно которых существуют особые

практики взаимодействия, выраженные, в частности, в регулярном обращении к ним и в совершении определённых ритуалов. К таковым объектам относятся, например, артефакты, имеющие отношение к религиозному культу, могилы, наиболее значимые монументы и т.д. Природа подобного рода артефактов в некоторой степени позволяет их соотнести с «местами памяти» (в интерпретации П. Нора). Обладая высокой степенью «гравитации», которая притягивает множество смыслов и воспоминаний, данные «места» становятся средоточиями значимой информации, – «по ленте Мёбиуса они вращаются вокруг самих себя» [8, с. 41]. Данная информация сохраняется и поддерживается за счёт упомянутых выше практик взаимодействия с памятниками. Понижение внимания эти артефакты «воспринимают» особенно болезненно.

Жизнь каждого человека, группы лиц, социума, как правило, сопровождается обращениями к сакральным артефактам, объективированным «памятным местам». На уровне национальных и этнических культур данные артефакты выступают в качестве точек материальной кристаллизации коллективного опыта, участвующих в формировании каркаса, «внутри которого и происходит индивидуализация конкретных воспоминаний субъекта, нарастающих на своеобразный «скелет», матрицу памяти» [5, с. 88–89]. Актуализация, поддержание, «подпитка» «мест памяти» обеспечивается в значительной степени за счёт коммеморативных практик, без которых соответствующим «местам» может угрожать забвение.

Сакральные артефакты нуждаются в постоянном и повышенном внимании. Указанное свойство распространяется как на традиционные, так и на модернизированные культуры. Тем не менее, в культурах инновационного типа динамика архитектурных преобразований «памятных мест» носит более выраженный характер. Причина данного явления кроется в относительно частых проявлениях историко-культурной переходности и кризисах, характерных для модернизируемых культур. Одним из свойств переходности являются значительные «сдвиги» в сфере коллективной памяти, которые снимают с повестки дня и уводят в сферу забвения некоторые памятные места и актуализируют другие (включая их материализованные проявления). Как следствие, в контексте частых переконфигураций «мест памяти» растёт параметр забвения.

Спектр артефактов, которые могут подвергаться забвению, весьма многообразен. Тем не менее, в указанном многообразии можно обозначить несколько наиболее показательных групп объектов, заброшенность которых воспринимается наиболее остро: *объекты религиозного культа; разного рода человеческие захоронения; покинутые деревни; опустевшие усадьбы; заброшенные города и отдельные городские локации и сооружения; преданные забвению памятники* (включая монументальные произведения искусства). Разумеется, предложенный перечень не является исчерпывающим, однако представленные группы артефактов ярко репрезентуют заявленную проблематику.

Показательными в данном случае являются *культовые и религиозные сооружения*, сакральные места, по каким-либо причинам оставленные человеком: «Для памятника культуры, как и для литературного текста, нет ничего хуже «безответности», что часто случается, когда где-нибудь древняя деревенская церковь, молча и безвестно, гибнет

от человеческого небрежения» [9, с. 207]. История содержит немало подобного рода примеров, однако особенно большие масштабы данное явление приобрело на фоне модернизационных процессов, которые во многих странах значительно влияли на мировоззрение и в частности сопровождалась секуляризацией массового сознания. На фоне указанных перемен культовые сооружения претерпевали разнообразные изменения: подвергались уничтожению, неорганическим образом трансформировались их физические формы, нередко указанные сооружения перепрофилировали под светские нужды; в том числе указанные артефакты *подвергались забвению*. Заброшенные культовые сооружения можно найти буквально во всех странах, которые принято относить к западным либо вестернизированным, в том числе и в России.

Достоинна упоминания заброшенная Знаменская церковь (1797 г., построена предположительно знаменитым архитектором Н.А. Львовым) в ныне не существующем подмосковном с. Тёплое близ г. Клин (Московская обл.). В настоящее время этот значительный памятник русского зодчества, который имеет статус памятника истории и культуры федерального значения, полуразрушен и пребывает в забвении. Назовём также собор Николы Гостунского (с. Николо-Гостунь Белёвского р-на Тульской обл.) – древнейшую тульскую церковь, история которой насчитывает не менее четырёх веков. Собор также является памятником федерального значения – и тоже находится в запустении. Ещё один пример – Троицкая церковь (1821–31 гг.) в с. Андрианово Тосненского р-на Ленинградской обл.; входит в состав усадьбы Строгановых, также причисленной к памятникам федерального значения. Названная церковь – редкий для русской православной архитектуры образец неоготики – полуразрушена и явно недополучает внимания. Примечательна и Казанская церковь (построена в 1809 г., находится в с. Смольково Барышского р-на Ульяновской обл.), тоже необычная с точки зрения своих архитектурных форм – представляет собой храм-ротонду без колокольни. К сожалению, и эта церковь может быть причислена к заброшенным.

Помимо православных церквей, находятся в запустении и культовые сооружения других конфессий. Назовём, к примеру, руинированную Белую кирху в д. Молосковицы Волосовского р-на Ленинградской обл. (старейшая кирха Ингерманландии, была построена в 1632 г.; имеет статус объекта культурного наследия федерального значения).

Весьма ярким примером также являются многочисленные затопленные храмы и колокольни, образующие целый ряд возвышающихся над водой башен, куполов, крестов и руин. Среди подобных памятников можно назвать построенную на рубеже XVIII и XIX вв. церковь Рождества Христова в ныне не существующем с. Крохино (Белозерский р-н Вологодской обл.); собор в Потоси (Венесуэла, построен в 1808–38 гг.); возведённый в 1850 г. храм Св. Николая в македонском селе Маврово; храм святого Розария в Шеттихалли (Индия, штат Карнатака, 1860 г. постройки); романскую часовню 1357 г. постройки на озере Резен (Северная Италия) и многие другие.

Проблематика заброшенных храмов и иных культовых сооружений, вызывающая глубокие переживания у творческой интеллигенции разных стран и широкой публики, получила яркое освещение в самых разных направлениях художественной культуры:

«Деревянные церкви Руси,
Перекошены древние стены.
Подойди и о многом спроси, –
В этих срубах есть сердце и вены.
Заколочено накрест окно,
Молчаливо убого убранство.
Но зато старым стенам дано
Мерить душу с простым постоянством» [10, с. 13].

Представляет интерес рефлексия М. Пруста на данную тематику: «Когда я говорил о смерти соборов, я боялся, как бы Франция не превратилась в этаким песчаный берег, где выброшенные морем гигантские резные раковины, лишённые наполнявшей их некогда жизни, уже не смогут донести даже до приложенного к ним уха неясный шум былого» [11, с. 140].

Одним из наиболее значимых памятных мест в подавляющем большинстве культур являются *кладбища и иные захоронения*. Трепетное отношение к указанным местам свойственно человечеству с древнейших времён, – о чём свидетельствуют многие археологические находки. Войдя в архетипические структуры сознания, практики посещения мест захоронений сохраняют свой высокий статус на протяжении многих тысячелетий, включая современный этап. Указанное отношение проявляется в контексте разных культур и форм сознания. Ценностно-смысловое пространство захоронений включает как практики общения с потусторонним миром и ушедшими (в рамках мифологических и религиозных форм сознания), так и восприятие данных мест как средоточий значимых воспоминаний, особых центров «светского сакрального». Примечательны в данном контексте рассуждения Ф. Арьеса (который ссылаясь на философа-позитивиста П. Лафита и интерпретировал его слова): «Пьер Лаффитт, опубликовал свои «Общие соображения по поводу парижских кладбищ», где утверждал, что кладбище «является одним из основополагающих институтов всякого общества». Ведь любое общество складывается из усилий многих поколений, связанных между собой, и не может отказаться от своего прошлого. А «кладбище есть выражение прошлого» [12, с. 440]. Вспомним также пушкинские строчки про «любовь к отеческим гробам».

Несмотря на доминанту того или иного смыслового аспекта, места захоронений неизменно обладают огромным «магнетизмом памяти». Поэтому посещение захоронений и уход за ними является способом сохранения памяти (можно сказать, что происходит «запоминание через действия»). Ухоженная могила сохраняет память – в отличие от заросшей. То, что захоронение устойчиво поддерживается в надлежащем, ухоженном состоянии, также выступает маркером значимости и живости памяти через сохранение места её гравитации. Коммеморативные ритуалы преимущественно носят регулярный характер; указанное правило справедливо и для практик посещения захоронений и ухода за ними. Особенно красноречиво в данном ракурсе отношение к военным захоронениям, обладающим особым статусом в культуре; существуют специальные международные правовые акты и межгосударственные договорённости, регулирующие сферу

военных захоронений [13; 14].

Ухоженность мест захоронений особым образом маркируется. Причём практики ухода за могилами не обязательно должны быть дорогостоящими и обременительными. Порой достаточно того, чтобы трава была скошена и на могильном памятнике лежали полевые цветы. Это будет явно и зримо свидетельствовать о том, что память жива, а те, кто должен её сохранять, заботятся о соответствующем «месте». В разных культурах на национальном, сословном, корпоративном, городском, семейном и иных уровнях формируются и бытуют различные практики ухода за захоронениями. Примечательно, что данные практики носят симптоматичный характер, способны иллюстрировать особое отношение социума к тем или иным аспектам истории и культуры. Указанные практики могут быть весьма устойчивы, но могут и изменяться с течением времени, – что способно повлечь за собой как усиление, «напряжение» памяти, так и забвение. Как отмечает М. Хальбвакс, забывание или искажение некоторых воспоминаний объясняются тем, что в разные периоды истории «рамки памяти» меняются: «В зависимости от времени и обстоятельств общество по-разному представляет себе прошлое; оно видоизменяет свои конвенции» [15, с. 325]. Отметим, что позиция М. Хальбвакса неоспорима, однако абсолютизировать её не следует, – поскольку существуют такие аксиологические «эпицентры памяти», ревизия которых недопустима. Показательна в данном случае судьба Вечных огней на современной Украине. Вечные огни, которые в рамках советской культуры и многих национальных культур постсоветского пространства устойчиво сопутствовали воинским захоронениям и военным мемориалам, после 2014 г. во многих украинских городах были потушены, – что являлось знаком радикальных социокультурных преобразований и было весьма болезненно воспринято частью украинского общества. Примечательно, что весной 2022 г., после начала специальной военной операции и вступления российских войск на территорию Запорожской и Херсонской обл., Вечные огни в нескольких городах были снова зажжены [см., например: 16; 17].

Итак, коммеморативные практики призваны, помимо прочего, противостоять забвению. Тем не менее, забвение является неотъемлемым спутником человеческой памяти. Бытие памяти во времени предполагает не только насыщение памяти информацией, но и её отсев, забвение, перегруппировку отдельных фрагментов. «Забывание в данном смысле играет роль своеобразного клапана, призванного не допустить информационной перегрузки системы, является средством её обновления» [18, с. 11]. Человек не может удерживать в памяти абсолютно всё, что происходило в прошлом, и уделять всем событиям минувшего равноценное внимание. Тем не менее, он способен расставлять акценты и не давать определённым событиям прошлого забываться, – при помощи соответствующих практик. Ритуализация данных практик, «табуирование отдельных мнемонических практик является необходимым условием существования общества как единого целого. Забвение прошлого, предков, вырывает человека из своей среды, создаёт феномен «Ивана, не помнящего родства», «перекасти-поля», самодостаточного, замкнутого на самом себе индивида в полном смысле этого слова» [18, с. 22].

Подытоживая первую часть статьи, отметим, что рассматриваемая проблематика является многоаспектной, сложной и носит ярко выраженный культурообусловленный характер, рождается в рамках взаимодействия с материально-предметным миром и обусловлена особенностями психоментального переживания человеком «реальности вещей». Примечательно, что в отношении к заброшенным объектам наряду с вариативными особенностями (обусловленными спецификой конкретных культур) обнаруживаются и инвариантные, архетипические свойства человека. Анализ изучаемого материала показывает, что такая форма страдания как «заброшенность» весьма ярко проявляется в отношении определённых объектов и их групп. Рассмотрение заявленных групп брошенных и преданных забвению артефактов, а также теоретических аспектов данной проблематики будет продолжено в следующей статье.

Список литературы

1. Белый А. Заброшенный дом // Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. В.М. Пискунова; Коммент. С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова. Москва: Республика, 1994. С. 51–52.
2. Суворов Н.Н. Аура вещи в утверждении культурного пространства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (36). С. 62–67.
3. Некрасов Н.А. Несжатая полоса // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 1: Стихотворения 1838 – 1855 гг. Ленинград: Наука, 1981. С. 135–136.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва: Наука, 1972.
5. Клейтман А.Ю. Забвение как культурный феномен и темпоральность субъекта // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему / Отв. ред. Д.Л. Спивак. Москва; Санкт-Петербург: Новый хронограф: Эйдос, 2009. С. 79–91.
6. Суворов Н.Н., Леонов И.В., Прокуденкова О.В. Новизна культуры или культура новизны. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2021.
7. Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. Москва: Грюндриссе, 2016.
8. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д.Р. Хапаевой. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1999. С. 16–148.
9. Суворов Н.Н. Воображаемое как феномен культуры. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2018.
10. Шаганов А.А. Владимирская Русь // Шаганов А.А. От Волги до Енисея. Стихи и песни. Москва: Эксмо, 2006. С. 13–14.
11. Пруст М. Памяти убитых церквей / Пер. с фр. И.И. Кузнецовой. Москва: Согласие, 1999.
12. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Пер. В.К. Ронина, общ. ред. С.В. Обо-

- ленской. Москва: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992.
13. Соклаков А.Ю. Международное гуманитарное право: из истории правовой регламентации статуса воинских захоронений за пределами Отечества // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2019-4-21/article-0208/> (дата обращения: 26.04.2023).
 14. Межправительственные соглашения о воинских захоронениях // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://mil.ru/commemoration/foreign/agreements.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
 15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007.
 16. На мемориале в Мелитополе зажгли вечный огонь // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220330/melitopol-1780933591.html> (дата обращения: 26.04.2023).
 17. В Бердянске зажгли Вечный огонь, потушенный при Украине // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20221031/ogon-1828082440.html> (дата обращения: 26.04.2023).
 18. Клейтман А.Ю., Щеглова Л.В. Модусы забвения в онтологии культуры. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2012.

Сведения об авторах

Смирнова Алла Александровна – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: allasmir@mail.ru

Леонов Иван Владимирович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Кириллов Игорь Викторович – магистрант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: os84@yandex.ru

Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V.

OBLIVION AS A FORM OF ARTIFACT SUFFERING. ARTICLE I

***Abstract:** The presented two-part article continues the cycle of thematic publications that are devoted to the peculiarities of psycho-emotional perception and experience of the reality of historical and cultural heritage monuments. One of the facets of this multidimensional and complex problem is the theme of «suffering» projected on the reality of the monument. This*

article examines such a specific form of «suffering» of artifacts as oblivion and abandonment, which can manifest itself both on an individual and on a collective level. Value-semantic aspects, as well as external markers of abandonment are revealed. The dependence of the perception of the abandonment of artifacts on historical and contextual circumstances is fixed. Along with the above-mentioned variable properties of the experience of abandonment, invariant, archetypal foundations of its perception are noted, including those related to the human desire to «revive» the artifact, endow it with subjectivity and interact with it accordingly. Expressive groups of objects are identified, the abandonment of which is perceived by the subject most acutely. Attention is paid to the specifics of the phenomenon of abandonment within the framework of traditional and innovative cultures. In the context of the phenomenon of abandonment, two groups of objects are considered: objects of religious worship and various human burials. The article contains a number of examples illustrating this phenomenon (including examples that relate to artistic culture).

Keywords: *artifact, «semantic aura», «suffering» artifacts, oblivion, abandonment, «place of memory», historical and cultural heritage, sacred artifacts.*

References

1. Belyj A. Zabroshennyj dom [Abandoned house] // Belyj A. Sobranie sochinenij. Stihotvoreniya i poemy [Collected works. Poesy and poems] / Sost., predisl. V.M. Piskunova; Komment. S.I. Piskunovoj, V.M. Piskunova. Moskva: Respublika, 1994. P. 51–52.
2. Suvorov N.N. Aura veshchi v utverzhdenii kul'turnogo prostranstva [The aura of a thing in the affirmation of cultural space] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2018. № 3 (36). P. 62–67.
3. Nekrasov N.A. Neszhataya polosa [Unharvested field stripe] // Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochinenij v 15 t. [Complete works in 15 vol.] T. 1: Stihotvoreniya 1838 – 1855 gg. Leningrad: Nauka, 1981. P. 135–136.
4. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of medieval culture]. Moskva: Nauka, 1972.
5. Klejtmán A.Yu. Zabvenie kak kul'turnyj fenomen i temporal'nost' sub'ekta [Oblivion as a cultural phenomenon and the temporality of the subject] // Fundamental'nye problemy kul'turologii: Sb. st. po materialam kongressa. T. 6: Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushchemu [Fundamental problems of culturology: A collection of articles based on the materials of the Congress. Vol. 6: Cultural Heritage: From the past to the future] / Otv. red. D.L. Spivak. Moskva; Sankt-Peterburg: Novyj hronograf: Ejdos, 2009. P. 79–91.
6. Suvorov N.N., Leonov I.V., Prokudenkova O.V. Novizna kul'tury ili kul'tura novizny [Novelty of culture or culture of novelty]. Sankt-Peterburg: SPbGIK, 2021.
7. Podoroga V.A. Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoj antropologii [A question

- about a thing. Experiments in analytical anthropology]. Moskva: Gryundrisse, 2016.
8. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problems of memory locations] // Franciya-pamyat' [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; per. s fr. D.R. Hapaevoj. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 1999. P. 16–148.
 9. Suvorov N.N. Voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury [The imaginary as a cultural phenomenon]. Sankt-Peterburg: SPbGIK, 2018.
 10. Shaganov A.A. Vladimirskaya Rus' [Vladimir Rus] // Shaganov A.A. Ot Volgi do Eniseya. Stihy i pesni [From the Volga to the Yenisei. Poems and songs]. Moskva: Eksmo, 2006. P. 13–14.
 11. Prust M. Pamyati ubityh cerkvej [In memory of the murdered churches] / Per. s fr. I.I. Kuznecovoj. Moskva: Soglasie, 1999.
 12. Ar'es F. Chelovek pered licom smerti [A man facing death] / Per. V.K. Ronina, obshch. red. S.V. Obolenskoj. Moskva: Progress – Progress-Akademiya, 1992.
 13. Soklakov A.Yu. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: iz istorii pravovoj reglamentacii statusa voinskih zahoronenij za predelami Otechestva [International humanitarian law: from the history of legal regulation of the status of military graves outside the Fatherland] // Nauka. Obshchestvo. Oborona [Science. Society. Defense]. 2019. T. 7. № 4. URL: <https://www.noo-journal.ru/vak/2019-4-21/article-0208/> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
 14. Mezhpriatel'stvennye soglasheniya o voinskih zahoroneniayah [Intergovernmental agreements on military graves] // Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii [Ministry of Defense of the Russian Federation]. URL: <https://mil.ru/commemoration/foreign/agreements.htm> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
 15. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati [The social framework of memory] / Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. Moskva: Novoe izdatel'stvo, 2007.
 16. Na memoriale v Melitopole zazhgli vechnyj ogon' [The eternal flame was lit at the memorial in Melitopol] // RIA Novosti [RIA News]. URL: <https://ria.ru/20220330/melitopol-1780933591.html> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
 17. V Berdyanske zazhgli Vechnyj ogon', potushennyj pri Ukraine [The eternal flame, extinguished under Ukraine, was lit in Berdyansk] // RIA Novosti [RIA News]. URL: <https://ria.ru/20221031/ogon-1828082440.html> (data obrashcheniya: 26.04.2023).
 18. Klejtman A.YU., SHCHeglova L.V. Modusy zabveniya v ontologii kul'tury [Modes of oblivion in the ontology of culture]. Volgograd: Volgogradskij filial RANHiGS, 2012.

Smirnova Alla Aleksandrovna – doctor of Historical Sciences, professor, vice-rector for educational and educative work, head of the Department of Theory and History of Culture of the St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: allasmir@mail.ru

Leonov Ivan Vladimirovich – doctor of Culturology, docent, professor of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Kirillov Igor Viktorovich – master’s student of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture (direction «cultural studies»), St. Petersburg.

E-mail: os84@yandex.ru